

«Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток»

М.В. ВИЛИСОВ¹

ИНИОН РАН, МГИМО МИД России

Аннотация

Кризис в российских отношениях с Западом стал ключевым триггером для реального «поворота на Восток» в российской внешней политике. Новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации провозглашает и описывает этот поворот достаточно детально, расширяя пространство для научной дипломатии в рамках международного гуманитарного сотрудничества. Это пространство представляет собой «поля идей», которые формируются в рамках взаимоотношения экспертного сообщества с лицами, принимающими решения внутри страны, и с зарубежными коллегами и партнерами. Эти «поля идей» в настоящее время представляют собой скорее слабо организованные «выставки идей», чем «рынки идей», на которых происходит активное их производство и обмен. Исследование причин этого явления при помощи инструментов институционального конструктивизма, дискурсивного институционализма и «институциональной логики» позволило определить проблемы их функционирования и возможные перспективы развития. Последние требуют активного развития российских и международных «полей идей» в рамках научной дипломатии в конкурентном формате, при этом готовности конкурировать как с западными, так и с «незападными» акторами. На пути такой трансформации могут встретиться несколько институциональных ловушек и тупиков, от успешного преодоления которых будет зависеть успех такой трансформации.

Ключевые слова

научная дипломатия, поворот на Восток, аналитический центр, мозговой центр, фабрика мысли, дискурсивный институционализм, институциональная логика, режим знаний

¹ **Вилисов Максим Владимирович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России
E-mail: vilisov@centero.ru

Для цитирования

Вилисов М.В. (2023). «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток». *Управление и политика*, 2(3), С. 25–45. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45

Российский «поворот на Восток» во внешней политике², ставший с 2014 г. фактом российской политики и предметом научного обсуждения (Караганов, Макаров, 2015; Бордачев, Пятачкова 2018; Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2019; Асмолов, Захарова 2023; Торкунов, Стрельцов 2023) получил новый официальный импульс с принятием 31 марта 2023 г. новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации³ (далее – Концепция). Концепция, в частности, подчеркивает, что в контексте «недружественных действий Запада» «созидательную энергию Российская Федерация будет концентрировать на географических векторах своей внешней политики, которые имеют очевидные перспективы с точки зрения расширения взаимовыгодного международного сотрудничества» (п. 14). Эти «географические векторы» описаны в разделе V Концепции и включают такие направления, как «ближнее зарубежье» (государства-участники СНГ и другие сопредельные страны), Евразийский континент (на котором особо выделяются Китай и Индия), Африка и т.д. Таким образом, географически такой разворот внешней политики сложно назвать поворотом на Восток или Юг. Он скорее подчеркивает многовекторный характер российской внешней политики, то есть «разворот от Запада», который признан недружественным, в сторону «дружественных многосторонних институтов» (п. 19 Концепции), «дружественных суверенных глобальных центров силы» (Китай, Индия, п. 51 Концепции), «дружественных цивилизаций» («исламская цивилизация», п. 56 Концепции) и просто поддержание «дружественных» отношений (п.п. 23, 48 Концепции).

² Иногда также применяется термин «азиатский поворот» или «поворот на Юг».

³ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 01.09.2023)

Сам этот разворот все еще требует серьезного концептуального осмысления (Савченко, Зуенко, 2020; Торкунов, Стрельцов, 2023) и разъяснения, как для внутренней, так и для внешней аудитории, особенно из круга стран-партнеров, с которыми сейчас возможно поддерживать «дружественные» отношения. Необходимость проведения такой работы подчеркнута и в самой Концепции (раздел «Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности Российской Федерации, п. 48). Среди прочего поставлена задача «доведения до максимально широкой иностранной аудитории информации о внешней и внутренней политике Российской Федерации». В совокупности с поставленными в разделе «Международное гуманитарное сотрудничество» (п. 43, подпункт 3) задачами по развитию «механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества» сфера приложения усилий для российского научно-экспертного сообщества определена достаточно четко.

Что представляет собой эта сфера? Это сфера дипломатии и экспертизы, которая охватывается понятием «научной дипломатии». Наиболее распространенное понимание последней раскрывает ее через три основных вида деятельности: «наука в дипломатии», «дипломатия для науки», «наука для дипломатии» (Reinhardt, 2021). В рассматриваемом случае для реализации «поворота на Восток» нужен акцент на двух компонентах: «наука в дипломатии» (экспертная поддержка формирования политики и принятия решений в сфере международных отношений) и «наука для дипломатии» (оказание поддержки традиционной дипломатии посредством международных научных контактов).

Что является основным продуктом деятельности в этой сфере?

Рискнем предположить, что это «идеи», как совокупность научных представлений, норм и ценностей (как формальных, так и неформальных, в том числе традиций, ритуалов и привычек), способных оказывать самостоятельное влияние на политику, формируя ментальные (идеологические, ценностные) ограничения для выработки политического

курса и конкретных политических решений среди лиц, принимающих решения (далее – ЛПР) (Вилисов, 2023; Campbell, 1998; Малинова, 2009; Малинова, 2010).

Идеи могут быть «нормативными» и «когнитивными» (Малинова, 2009), делая дискурс частью политики (Малинова, 2009), а сами идеи приобретают власть/силу (Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016), в том числе – «дискурсивную» (Денисов, 2020).

«**Поля идей**» – это информационно-коммуникационные пространства, в которых осуществляется производство и распространение «идей», доведение их до целевых аудиторий, которыми в рассматриваемом случае являются российские ЛПР и новые «географические векторы» российской внешней политики в лице соответствующих политических и экспертных сообществ, организаций и институтов, а также более широких социальных групп, общества в целом. Эти «поля идей» и становятся предметом исследования в настоящей статье, которая представляет собой попытку ответить на вопрос: возможно в современной России сформировать повестку для нового курса внешней политики, чтобы эта повестка нашла отклик у потенциальных партнеров?

Теоретические рамки верхнего уровня применительно к рассматриваемому предмету находятся рядом с такими концептами как «поле» и «социальный капитал» Бурдьё, «мягкая сила»/«мягкая власть» (“soft power”) и «дискурсивная сила» (“discursive power”) (Denisov, 2020), «идеи для политики» (“policy ideas”) (Campbell, 1998; Вилисов, 2023). Объектами исследования на следующем уровне будут «производители идей» – «аналитические центры» (“think tanks”) и «поля идей», которые во многом определяются характеристиками «режимов знаний» (“knowledge regimes”) (Campbell, Pedersen, 2011).

С методологической точки зрения исследование проводилось при помощи инструментов институционального и дискурсивного конструктивизма, а также «институциональной логики», которые все вместе сформировали так называемый «идеационный поворот» в общественных науках (Шмерлина, 2016).

«Поля идей» в российской внешней политике

Строго говоря, задачи новой российской внешней политики в части «поворота на Восток» заключаются в формировании собственной «мягкой силы» (мягкой власти), как минимум сопоставимой с западной. Это уже весьма непростая задача для страны, чьи политический истеблишмент и экспертное сообщество долго находились под западным интеллектуальным влиянием, как в постсоветский период, так и во времена СССР и ранее, в период Российской империи. Несмотря на провозглашение России «государством-цивилизацией» в новой редакции Концепции внешней политики (п. 4), пока никому не удалось достаточно точно сформулировать, что это означает для внутреннего и внешнего пользования.

Здесь предстоит весьма долгий путь интеллектуальных изысканий, в рамках которого может быть полезен опыт «незападных» стран, в том числе Китая. Например, концепция «дискурсивной власти», разработанная и активно продвигаемая в КНР на основе концепции дискурса М. Фуко (Денисов, 2020), представляется весьма применимым инструментом для России с учетом имеющегося внешнеполитического веса и доступа к международным институтам. В то же время это всего лишь концептуальная рамка, которая должна быть наполнена идеями: современными, привлекательными, разнообразными и... применимыми. В западной политической культуре аналитические центры, фабрики мысли (think tanks) являются основными производителями, ответственными за выпуск такого рода продуктов и вообще, за коммуникацию между экспертным сообществом и политическим классом, в том числе за счет использования принципа «вращающихся дверей» (Торкунов, 2020, с. 696-697). Насколько их российские аналоги способны на выполнение таких функций в настоящее время?

В исследовании, проведенном в 2022 г., была проведена попытка изучить производство четырех типов идей («рамки», «парадигмы», «программы», «общественные ожидания») по Дж. Кэмпбеллу (Campbell, 1998, p. 385) аналитическими центрами стран ЕАЭС. Результат

не был неожиданным: эти центры производят два основных типа идей – «рамки» (идеи как символы и концепты, помогающие лицам, формирующим политику, легитимизировать свои решения для широкой общественности) и «парадигмы» (идеи как предположения элит о допустимых и полезных вариантах решений, доступных в настоящее время для лиц, принимающих решения) (Campbell, 1998, p. 385). Такое состояние дел в общем играет позитивную роль с точки зрения политической устойчивости и стабильности: аналитические центры фокусируют свою деятельность на объяснении политического курса для широкой общественности и на предоставлении площадок для диалога между социальными и политическими группами, способными повлиять на формирование политического курса (Вилисов, 2023), но не создает необходимой среды для поиска креативных решений в ходе формирования стратегий. «Консенсусный» тип «режима знаний», доминирующий во всех странах ЕАЭС (Вилисов, 2023) только отягощает положение дел: открытая и публичная дискуссия по основным стратегическим вопросам практически отсутствует. Если общеизвестной метафорой для описания «поля идей» для внешней политики в США является «рынок идей» (“marketplace of ideas”) (Drezner, 2017), то в случае России и стран ЕАЭС в лучшем случае применимой метафорой будет «выставка идей». «Поле идей» в этом случае представляет собой «социальное поле» по П. Бурдье, где происходит создание и использование социального капитала в форме знаний и символических представлений о социально-политической реальности (Бурдье, 2007, с. 16-17) и в этом смысле очень близко «режиму знаний» у Кэмпбелла и Педерсена (Campbell, Pedersen, 2011), который описывает различные принципы взаимодействия между участниками: конкурентный, консенсусный, политически ограниченный, технократический. «Консенсусный» характер этих «полей» («режимов») в России означает отсутствие открытой конкуренции идей и их носителей, но не отменяет ее, так как внутренняя борьба за «социальный капитал» все же будет присутствовать.

Сфера внешней политики обладает наиболее развитым «полем идей» в России с институциональной точки зрения. Практически все всемирно известные отечественные аналитические центры (ИМЭМО

РАН, МГИМО, РСМД, Валдайский клуб) работают в этой сфере. Все они в совокупности объединяют значительную часть российского экспертного сообщества, работающего в сфере международных отношений. Кроме того, в системе РАН также существуют институты, обладающие экспертизой в региональных исследованиях: Институт Африки РАН (ответственный за организацию форума «Россия-Африка»), Институт Китая и современной Азии, Институт Латинской Америки, Институт США и Канады, Институт Европы и другие.

Но работает ли эта система организаций как единый институт, производящий идеи для практической политики? Есть несколько причин для такой постановки вопроса.

Первое. Большинство современных российских академических институтов в этой сфере были созданы в советский период и встроены в систему экспертизы принятия решений в соответствии с существовавшим тогда политическим и правовым порядком, формальными и неформальными механизмами и процедурами. Далеко не все эти связи и механизмы сохранились и остались эффективными в постсоветский период. Для компенсации возникших дефицитов создавались новые структуры, такие как дискуссионный клуб «Валдай», Российский совет по международным делам и другие. Однако, сформировали ли они в итоге устойчивую систему перетока актуальных знаний из экспертной сферы в сферу практической политики – вопрос открытый и будет рассмотрен ниже.

Второе. «Вестернизация» российской политической и интеллектуальной элиты началась задолго до распада СССР, и холодная война значительно повлияла на этот процесс. Советское правительство естественным образом концентрировало исследовательский фокус экспертного сообщества на «потенциальном противнике» – США и странах НАТО. Научная дипломатия, прежде всего советско-американская, внесла существенный вклад в предотвращение ядерной эскалации, в создание системы контроля за ядерными вооружениями и во многие другие вопросы, став значимым инструментом советской дипломатии в целом. Однако после распада СССР эта экспертиза не была переориентирована в соответствии с тенденциями быстро

развивающегося и глобализированного мира. В итоге актуальная научная экспертиза по «незападным странам», в том числе странам бывшего СССР, не была сформирована в достаточной мере, хотя значимость этих стран в условиях многополярного мира и перехода центра экономического развития из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский возросла значительно. Этот недостаток сейчас невозможно восполнить одномоментно, что представляет собой существенную проблему.

Третье. Институциональный дизайн российской политической системы существенно изменился с советских времен – это относится как к процессу формирования политики, так и к экспертному участию в нем. Многие институты стали более открытыми, а коммуникации с экспертным сообществом – более разнообразными и интенсивными. Однако единые «правила игры» для такого участия не сформированы, и в каждой сфере государственной политики существует свой набор формальных и неформальных институтов, обеспечивающих эти процессы.

Наилучшие условия для экспертного участия формируются в экономической сфере и связаны в основном с вопросами государственного регулирования экономической деятельности в секторах с достаточным уровнем конкуренции, где разнообразные группы интересов и их представители формируют полноценные «поля идей» для формирования государственной политики.

Напротив, самые строгие ограничения по экспертному участию в формировании политического курса можно встретить в сфере национальной безопасности, где экспертное участие обусловлено соответствующим уровнем секретности, что объективно связано со стратегической важностью рассматриваемых вопросов. Вопросы формирования внешней политики традиционно относятся к вопросам национальной безопасности, поэтому соответствующие ограничения, пусть и не в полной мере, применимы и к этой сфере, что вносит свои коррективы в деятельность экспертов.

Таким образом, складывается очень интересная ситуация: сильнейшие российские аналитические структуры имеют наиболее жесткие ограничения в части привнесения своих идей в процесс

формирования государственной политики, прежде всего в силу сложившегося институционального дизайна. Тем интереснее рассмотреть эту проблематику с «идеационной» (“ideational”) перспективы.

Институциональный дизайн «производства идей» через «идеационную» призму

Как отмечают российские исследователи, «идеационный поворот» выразился в трех основных концептуальных направлениях: институциональном конструктивизме, дискурсивном институционализме и институциональной логике (Шмерлина, 2016). Рассмотрим, в какой мере их теоретические рамки применимы для целей исследования.

«Институциональный конструктивизм» в нашем случае дает представление об «эффекте колеи» (частично описанном выше), который объясняет инерцию в формировании российской политики, в том числе внешней. Показательным является пример формального изменения Концепции внешней политики. Уже после украинского кризиса 2014 г. стало понятно актуальное и перспективное состояние российских отношений с западными странами, в результате и начался «поворот от Запада», ставший одновременно и «поворотом на Восток». Но потребовалось еще 9 лет для того, чтобы это нашло свое закрепление в официальном документе, определяющем российскую внешнюю политику.

В настоящее время, после официального декларирования такого разворота, можно ожидать, что процесс постепенно будет набирать обороты, хотя и здесь не должно быть излишних иллюзий: слишком многое еще предстоит изменить как в практической сфере, так и в сфере образования, на уровне мышления, стандартных схем ведения переговоров и поиска баланса интересов в международной политике, и так далее. Трезвая оценка силы «эффекта колеи» позволит реально оценить возможные сложности и подготовиться к ним.

В некоторых случаях могут потребоваться радикальные изменения: от смены приоритетов у абитуриентов (и их родителей), поступающих на первый курс бакалавриата и специалитета по специальностям в сфере международных отношений, до формирования устойчивого и финансово

обеспеченного спроса на специалистов по «незападным странам» в государственных и частных компаниях, в государственных органах федерального и регионального уровня – там, где внешняя политика реализуется на практике.

В академическом секторе, а также в негосударственных аналитических центрах эту тенденцию также потребует изменить: как в части языковой и страноведческой подготовки, так и в части формирования и расширения контактов с партнерами из соответствующих стран, формирования и развития устойчивых партнерских отношений с ними, развития совместных исследовательских и образовательных проектов. Такая деятельность должна перестать восприниматься как нечто экзотическое, присущее специализированным институтам, а стать нормальной практикой международной деятельности большинства российских аналитических центров. Конечно же, не может быть и речи от отказа от изучения английского языка – ведь он является языком международного общения и, зачастую, единственно возможным языком общения с партнерами из западных стран (из-за низкой распространенности русского языка у них и недостаточности специалистов с соответствующей языковой подготовкой у нас). Пока же необходимо констатировать: из более чем ста российских аналитических центров только четверть имеют сайты (или разделы сайтов) на английском языке, и даже в этих случаях они не могут дать полного представления о деятельности организации наблюдателю, находящемуся за пределами страны. Этого явно недостаточно для того, чтобы развивать партнерство с зарубежными странами, особенно в проактивном порядке.

«Дискурсивный институционализм» (Шмерлина, 2016, с. 112) вводит понятие «идеационной» («идейной»)⁴ власти (Carstensen, Schmidt, 2016), которая проявляется в трех измерениях: «власть через идеи» (получение лидерства за счет производства идей, с помощью которых можно заставлять других менять свое поведение), «власть над идеями» (получение и удержание морального права формировать «идейную повестку»

⁴ На англ. – “ideational power”

и навязывать ее другим, в том числе – противостоять чужим идеям) и «власть в идеях» (формирование через идеи ментальных ограничений, за которые другие просто не могут выйти при «производстве идей», даже не осознавая этого – то есть через формирование системы знания и методов познания, системы ценностей и проч.). «Поворот на Восток» через призму этой концепции можно воспринимать как попытку изменить баланс сил «власти в идеях», то есть убрать ментальные ограничения, которые ранее не позволяли воспринимать незападные страны в качестве привлекательных партнеров.

Необходимо признать, что эти ментальные рамки имеют очень серьезное влияние: от стереотипов о «престижных», «перспективных» языках, регионах и странах при выборе обучения, до представления об «успешных» и «неуспешных» нациях и народах. Сейчас можно сказать, что эти рамки если не полностью сломаны, то хотя бы поколеблены. Отсутствие инициативы по поддержке этой концепции через развитие «власти над идеями» (формирование «идейной повестки» «поворота на Восток», ответы на вопросы: «почему именно на Восток?», «что это даст по сравнению с альтернативами?»), и «власти через идеи» (ответы на вопросы: «что делать?», «что предложить новым партнерам и как получить результат?») может привести к отсутствию значимых результатов «поворота», что очень быстро вернет старые рамки через «эффект колеи». Это один из серьезных вызовов для реализации данной концепции, который необходимо осознать сейчас как экспертному сообществу, так и политической элите, и «принять на вооружение» в рамках научной дипломатии, так как ответы на эти вопросы нужны не только внутри России, но и ее партнерам, которые также далеко не всегда понимают суть происходящих изменений в российской внешней политике и могут относиться к ним с настороженностью.

«Институциональная логика» (Шмерлина, 2016, с. 112-114) дает понимание внутренних противоречий в формировании институтов, когда институты при поверхностной внешней оценке работают некорректно.

Оценивая экспертизу как институт в рамках процесса формирования политического курса и принятия решений, можно идентифицировать как минимум три разные «логики»: «профессиональную» (которая

сформирована академическим и экспертным сообществом и ориентирована на поддержание профессиональной репутации и «символической власти» экспертных кругов), «управленческую» (которая сформирована государственной бюрократией, ответственной за управление и финансирование сферой науки и ориентирована на управленческую и финансовую эффективность экспертизы) и «логику доверия» (которая сформирована лицами, принимающими решения и ориентирована на ценностную близость и моральную чистоплотность экспертов, вовлеченных в формальные и неформальные процедуры выработки политики и конкретных решений).

Каждая из трех описанных логик базируется на разных принципах, которые являются ключевыми параметрами для положительной оценки деятельности института экспертизы соответствующими акторами.

«Профессиональная» логика требует от института быть независимым и ориентирована на академическую свободу и высокое качество исследований, на воспроизводство «социального капитала» как всего института в целом, так и его отдельных участников. Более того, именно «профессиональная» логика лучше всего проецируется на «власть над идеями» и «власть в идеях», что дает экспертному сообществу важные возможности, речь о которых пойдет ниже. «Управленческая» логика требует от института быть экономически эффективным, прозрачным для управленческого и финансового контроля и понятным для бюрократии. «Логика доверия» требует глубокой вовлеченности, поддержки и ограниченной открытости.

Эти «логики» трудно совместить между собой, более того, они находятся в конкуренции, так как между ними все же есть определенная субординация (формально-неформальная): «логика доверия» формируется на высшем политическом уровне и требует неформального подчинения себе «управленческой» логики, которая, в свою очередь, требует подчинения себе «профессиональной» логики. Но последняя может оспаривать это подчинение (опять же – неформально), так как является залогом профессионализма, без чего не обойтись в «логике доверия». Помимо этого, следуя «профессиональной» логике экспертное сообщество может обладать всеми видами «идеационной власти»,

осуществляя «власть через идеи», «власть над идеями» и «власть в идеях» как в отношении бюрократии, так и в отношении ЛПР. В итоге конкуренция этих «логик» формирует «лоскутное одеяло» российской экспертизы в сфере политики, где подчас организации-институты не столь важны как эксперты, экспертные сообщества и их личные, полунформальные связи с политическими кругами, а символический капитал и «идеационная власть» могут быть сильнее политической власти или серьезно влиять на ее осуществление.

В итоге внешнему наблюдателю трудно и даже невозможно понять, как и где именно формируется «поле идей» для российской политики. При этом ни одна из перечисленных институциональных «логик» не ориентирована непосредственно на поддержание этого «поля идей».

Если суммировать полученные результаты, получается следующая картина. «Эффект колеи» в идейной сфере будет еще долго работать не в пользу идей для «поворота на Восток», но его влияние может быть постепенно снижено в случае реализации последовательных действий в части усиления «идеационной власти» в этом направлении. Само пространство «идеационной власти» станет полем интенсивной, но малозаметной для стороннего наблюдателя борьбы во всех трех измерениях, в том числе потому, что прежде работавшие «габитусы» профессиональной деятельности в этой сфере уже не будут столь эффективны или станут вообще неприменимыми. Чем интенсивнее будет производство идей для практической политики, которые будут укреплять «власть над идеями» и «власть через идеи» в части обеспечения «поворота на Восток», тем меньше будет влияние «прозападных» рамок «власти в идеях».

Чтобы это производство начало работать, необходимо настроить процесс взаимодействия ЛПР и экспертного сообщества с учетом существования и конкуренции институциональных логик. Здесь кроется, возможно, основное решение проблемы: процесс производства и внедрения идей должен стать более открытым и понятным, как минимум для основных акторов, представляющих разные институциональные логики. Иными словами, он должен стать «общим знаменателем» для их оценки институтом экспертизы, не отменяя уже существующие. То есть «поле

идей» должно стать основным местом приложения усилий с точки зрения «профессиональной» логики, результативность на «поле идей» должна стать ключевым критерием для оценки с точки зрения «управленческой» логики, и все это не должно входить в противоречие с «логикой доверия», напротив, укреплять ее, но не за счет межличностных связей, а за счет развития формального института экспертизы для целей формирования государственной политики.

Такое решение кажется банальным на первый взгляд, при этом является труднореализуемым на практике. Строго говоря, предыдущие попытки оценить деятельность ученых и экспертов через различные измеримые «ключевые показатели эффективности» (КПЭ), в том числе наукометрические, нельзя признать удачными в целом и применимыми для рассматриваемых целей. Это мотивирует ученых и экспертов в лучшем случае к более интенсивным научным публикациям, которые вряд ли находятся в основном фокусе внимания ЛПР, без формального или неформального одобрения которых чиновники все равно не могут принять окончательное решение о деятельности того или иного института-организации. В итоге круг опять замыкается, а КПЭ становятся «пятым колесом в телеге».

Само пространство идей функционирует в итоге в лучшем случае в формате «выставки»: эксперты выставляют свои идеи в неких публичных (научные или публицистические статьи, аналитические доклады) или непубличных (закрытые отчеты, формальные совещания или неформальные встречи, различные клубы) «выставочных местах», а ЛПР время от времени посещают эти «выставочные места», зачастую без прямого контакта с авторами идей. Этот процесс не является обязательным ни для одной из сторон.

Чтобы перейти к модели «рынка идей», необходимо резко повысить взаимную заинтересованность: ЛПР должны захотеть «купить» идею (речь не всегда идет о финансовом заказе, скорее о практической востребованности), а эксперты должны захотеть ее «продать», причем в том качестве, которое будет соответствовать интересам покупателя и не входить в противоречие с «профессиональной» логикой (институциональной или личной). Такие транзакции («покупки»)

идей и должны стать критерием оценки деятельности аналитических центров по отдельности, и самого института экспертизы в целом. Это задача, ответ на которую не будет дан в настоящей статье, но которая, надеемся, появится в повестке соответствующих акторов. Пока же можно сделать предположения, что для этих целей могут быть использованы ряд существующих и принципиально новых регуляторных механизмов, таких, например, как общественные и экспертные слушания, участие в экспертных и научных советах при органах государственной власти, введение аккредитации экспертной деятельности, установление требований по организации деятельности и финансированию экспертных и исследовательских организаций и другие.

«Наука для дипломатии»: возможности и ограничения

Рассмотренные выше особенности «производства идей» в контексте научной дипломатии описывают отношения формата «наука в дипломатии». Без решения описанных выше проблем производство идей становится проблематичным. Если представить, что они уже сформированы (такие попытки, например, в виде идеи «освобождения от неоколониализма», уже предпринимались), то какие механизмы могут быть использованы в рамках «науки для дипломатии» как компонента «научной дипломатии»? Оговоримся, что речь пойдет в первую очередь о социальных науках, о взаимодействии с теми самыми «представителями институтов гражданского общества, а также политологами, представителями экспертного и научного сообщества», которые указаны в Концепции. Каким образом могут выглядеть совместные с ними «поля идей», которые и составят содержание научной дипломатии и будут тем «бульоном», в котором будут совместно формироваться концепции сотрудничества России с соответствующими странами?

Логично предположить, что паттерны, существующие на национальном уровне, будут спроецированы и на отношения с зарубежными партнерами. Это означает, в первую очередь, формирование «выставок идей», на которые смогут заходить иностранные целевые аудитории. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям, такого рода площадки

могут быть трансграничными и виртуальными и включать в себя сайты соответствующих российских организаций и научных журналов, совместные форумы и электронные платформы. Безусловно, они должны находить свое отражение и в материальных формах: книги и научные журналы, издаваемые на соответствующих языках и распространяемые в соответствующих странах. Большую роль могут играть и совместные мероприятия, научно-экспертного или общественно-политического содержания, такие, например, как упомянутый выше форум «Россия-Африка» и иные диалоговые площадки.

Работа по аудиту таких «выставок» еще предстоит, но уже очевидно, что задачи, например, публикации в зарубежных высокорейтинговых научных журналах, в том числе на английском языке, никак не теряют своей актуальности. Конечно, в этом случае потребуется уточнить требования к этим журналам, с учетом популярности их у соответствующих целевых аудиторий, а это будет означать усложнение КПЭ, предъявляемых к научным сотрудникам и экспертам. Также очевидно, что российские организации должны будут больше внимания уделять англоязычным и иным иноязычным версиям своих официальных сайтов и аккаунтов в социальных сетях, при этом условия работы российских организаций в адрес иностранных целевых аудиторий внутри социальных сетей, принадлежащих организациям, признанным в России экстремистскими, потребуют соответствующего правового уточнения. Опять же, результаты такой работы должны будут найти свое отражение в КПЭ деятельности научно-экспертных организаций и их сотрудников.

Однако, достаточно ли будет работы с «полями идей» только в «выставочном» формате? Западная, особенно британская и американская традиция распространения идей предполагает более напористую, если не сказать агрессивную модель их продвижения на любую аудиторию, в том числе зарубежную. Причем делается это эффективно, с учетом языковых, культурных и ценностных особенностей, что делает их «поля идей» наиболее привлекательными. Организация российской работы на таком же уровне будет предполагать высокопрофессиональную подготовку в области коммуникаций, в том числе международных, и умение работать как минимум в конкурентной, а может быть даже – в агрессивной среде,

которая во многом контролируется как раз представителями западного экспертного сообщества. Избежать этой конкуренции будет очень сложно, если только не получится создавать собственные, закрытые от западного участия диалоговые площадки и форумы. «Разворот от Запада» в этом смысле никак не означает его игнорирование или бегство от него. Напротив, говоря языком дискурсивного институционализма, это претензия на работу в «западном поле идей», претензия на «идеационную власть» если не внутри Запада, то на пространствах, где за Западом традиционно признается интеллектуальное лидерство. Строго говоря, нельзя исключать конкуренции в этой сфере и с «незападными» странами – тот же Китай активно развивает собственную «дискурсивную силу».

Ответом на эти вызовы может стать формирование международных «рынков идей» с активным российским участием. Эти «рынки идей» должны давать ответы на актуальные вызовы, общие для России и «незападных» стран (может быть – и западных тоже), по широкому спектру вопросов государственной политики, что позволит обеспечить обмен опытом и на практике сблизить позиции по национальной, международной и глобальной управленческой повестке. Успешный опыт работы на международных «рынках идей» неизбежно повлияет и на специфику внутрироссийских «полей идей», трансформируя принципы их работы и коммуникационную культуру.

Описанные выше проблемы и задачи – это только лишь первый обзор того, что предстоит сделать, и приглашение к профессиональной дискуссии.

Заключение

Ответ на поставленный во введении вопрос является скорее положительным. Закрепление в Концепции внешней политики такого поворота само по себе является идеей в формате «рамки» (легитимирующей политический курс) и одновременно «парадигмы» (задающей вектор поведения для элиты), тем самым фундаментально влияя на «поля идей» для государственной политики (что подтверждается самим фактом появления этой статьи).

Однако функционирование «поля идей» в политической сфере, особенно в части формирования и реализации внешней политики, имеет свои особенности, которые становятся хорошо заметны через «идеационную» призму и могут быть легко описаны при помощи метафор: они работают в формате «выставки», поддерживая их «ремесленное» производство, а должны начать работать в формате «рынка», что переведет их производство в формат «промышленного» со всеми институтами, которые будут опосредовать такого рода производство в части конкуренции, оценки качества производства и эффективности внедрения.

В этом процессе важнейшая роль отведена экспертному сообществу, которое обладает большими возможностями в части «идеационной» власти, но эти возможности могут быть использованы как в поддержку реализации «поворота на Восток», так и против этого, в том числе под воздействием «эффекта колеи» или из-за несочетаемости внутренних логик деятельности института экспертизы в государственной политике.

Такое положение вещей является вызовом для экспертного сообщества, которому придется взять на себя лидерство и в инициативном порядке начать предлагать идеи, причем в формате «парадигм», «программ» и «общественных ожиданий», что пока не очень свойственно российским аналитическим структурам. Описанные трансформации скорее всего приведут к изменению природы российского «режима знаний», который станет или более конкурентным, или более технократичным – в зависимости от того, как сложится диалог между экспертным сообществом, ЛПР и бюрократией, в том числе по поводу «правил игры» для государственных и негосударственных аналитических центров. Лучше, чтобы инициативу по формированию этих правил игры также взяло на себя само экспертное сообщество.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Благодарности: статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Роль аналитических центров и экспертных сообществ в развитии научной дипломатии в отношениях со странами «глобального Юга» в части формирования роли России в мире и образа будущего России» при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований (№123091200069-1)

Received: September 10, 2023

Accepted: October 01, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45

UDC: 304.42, 327

Political Science / Research article

“Fields of Ideas” for Science Diplomacy in the context of Russian “Pivot to East”

Maksim V. Vilisov, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Studies Institute of Scientific Information in Social Sciences Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: predsedatel@duma.mos.ru

Abstract: The crisis in Russian relations with the West has become a key trigger for a real “Pivot to East” in Russian foreign policy. The new edition of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of Russia dated March 31, 2023, proclaims and describes this turn in sufficient detail, expanding the space for scientific diplomacy within the framework of international humanitarian cooperation. This space is filled with “fields of ideas” that are formed within the framework of the relationship of the expert community with decision makers within the country and with foreign colleagues and partners. These “fields of ideas” are currently rather poorly organized “exhibitions of ideas” than “markets of ideas”, where their active production and exchange takes place. The study of the reasons for this using the tools of institutional constructivism, discursive institutionalism and “institutional logic” allowed us to identify the problems of their functioning and possible prospects for development. The latter require the active development of Russian and international “fields of ideas” within the framework of scientific diplomacy in a competitive format, while being ready to compete with both Western and “non-Western” actors. On the way of such transformation, there may be several institutional traps and dead ends, on the successful overcoming of which the success of such a transformation will depend.

Keywords: science diplomacy, pivot to east, think tanks, policy ideas, discursive institutionalism, institutional logic, knowledge regime.

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Acknowledgments: the article has been prepared in the framework of the research project “The role of think tanks and expert communities in the development of scientific diplomacy in relations with the countries of the “global South” in terms of shaping the role of Russia in the world and the image of the future of Russia” with the support of the Ministry of Education and Science of Russia and the Expert Institute for Social Research (№123091200069-1)

Список литературы / References:

Bordachev, T.V. & Pyatachkova, A.S. (2018). The Eurasian Cooperation Agenda. The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East. *International Organisations Research Journal*, 3, 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02

Campbell, J.L. (1998). Institutional Analysis and the Role of Ideas in Political Economy. *Theory and society*, 3, 377–409.

Campbell, J.L., Pedersen, O.K. (2011) Knowledge Regimes and Comparative Political Economy. In D. Béland & R. Cox (Eds.), *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford University Press. P. 167–190.

Carstensen, M. & Schmidt, V. (2016). Power through, over and in Ideas: Conceptualizing Ideational Power in Discursive Institutionalism. *Journal of European Public Policy*, 3, 318–337. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115534

Drezner, D. (2017). *The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats Are Transforming the Marketplace of Ideas*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 360 p.

Reinhardt, R.O. (2021). Russian Science Diplomacy at a Crossroads: Positive and Normative Analysis. *MGIMO Review of International Relations*, 2, 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106

Asmolov, K.V. & Zakharova, L.V. (2023). Reshitel'nost' i akkuratnost' [Decisiveness and Accuracy]. *Rossiya v global'noy politike*, 4, 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224 (In Russian)

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Transl. and ed. by N.A.Shmatko. Saint Petersburg: Aletyya. 288 p. (In Russian)

Denisov, I.E. (2020). Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si TSzin'pine [The Concept of 'Discursive Power' and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping]. *Comparative Politics Russia*, 4, 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047 (In Russian)

Karaganov, S.A. & Makarov, I.A. (2015). Povorot na vostok: itogi i zadachi [Turning to the East: Results and Tasks]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki*, 8, 6–10. (In Russian)

Nosov, M.G. (2019). Povorot na Vostok: itogi pyati let [Turn to the East: Results of Five Years]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Institut Yevropy RAN*, 2, 6–13. DOI:10.15211/vestnikieran22019612 (In Russian)

Savchenko, A.E. & Zuenko, I.Yu. (2020). Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok (The Driving Forces of Russia's Pivot to East). *Comparative Politics Russia*, 1, 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009 (In Russian)

Shmerlina, I.A. (2016). «Institutsional'naya logika»: kriticheskiy analiz napravleniya [“Institutional Logic”: Critical Analysis of the Direction]. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 4, 110–138. DOI: 10.19181/soc-jour.2016.22.4.4812 (In Russian)

Torkunov A.V. (2020). Rasshiryaya predely sotsiogumanitarnogo poznaniya mira [Expanding the Limits of Socio-Humanitarian Knowledge of the World]. *Vestnik RUDN. Seriya, Sotsiologiya*, 3, 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703 (In Russian)

Torkunov, A.V. & Strel'tsov, D.V. (2023). Rossiyskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russian Policy of Turning to the East: Problems and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 4, 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 (In Russian)

Torkunov, A.V.; Strel'tsov, D.V. & Koldunova E.V. (2020). Rossiyskiy povorot na Vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy [Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 5, 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02 (In Russian)

Vilisov, M.V. (2023). «Fabriki mysli» ili «kuznitsy idey»? Tsennostnaya povestka analiticheskikh tsentrov stran YEAEs v kontekste gosudarstvennoy politiki [«Think Tanks» or «Forges of Ideas»? The Value Agenda of the EAEU Countries' Think Tanks in the Public Policy Framework]. *Politicheskaya nauka*, 2, 203–233. DOI: 10.31249/poln/2023.02.09 (In Russian)

Литература на русском языке:

Асмолов К.В., Захарова Л.В. (2023). Решительность и аккуратность. *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 4. С. 203–224.

Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. (2018) Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций*. Т. 13. № 3. С. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

Бурдые П. (2007). Социология социального пространства/ Пер. с франц.; отв. ред. Перевода Н.А.Шматко. СПб: Алетейя. 288 с.

Вилисов М.В. (2023). «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики. *Политическая наука*. № 2. С. 203–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

Денисов И.Е. (2020). Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Сравнительная политика*. № 4. С. 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

Караганов С.А., Макаров И.А. (2015). Поворот на восток: итоги и задачи. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки*. № 8. С. 6–10.

Носов М.Г. (2019). Поворот на Восток: итоги пяти лет. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2. С. 6–13. DOI:10.15211/vestnikieran22019612

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020). Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика*. № 1. С. 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

Торкунов А.В. (2020). Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. *Вестник РУДН. Серия, Социология*. № 3. С. 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. (2023). Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. (2020). Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Шмерлина И.А. (2016). «Институциональная логика»: критический анализ направления. *Социологический журнал*. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812